

ДЕЛО КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ НА ФОНЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Куио Куев

Христианство впервые появляется и распространяется в Палестине, разговорными и официальными языками которой в те времена были греческий, еврейский и латинский. По этой причине по велению Понтия Пилата и надпись на кресте Христа "Иисус Назорей, царь иудейский" /Лк. 23,28; Иоан. 19,20/ была сделана на этих трех языках. В первое время из этого факта не делалось никаких выводов, но с течением лет начало оформляться мнение о сакраментальности этих языков и единственной возможности совершения на них богослужения и развития письменности. Зачатки этого мнения начинают возникать еще в первой половине IV в. Так, Иларий Пуатьеский /315--368/ говорит о "греческом, еврейском и латинском" как о главных языках.

В таком духе написано и письмо блаженного Иеронима Стридонского /330--420/ Гелиодору: "Умалчиваю о евреях, греках и латинях, посвященных богу в свою веру и надписи на кресте". Почетное место отводит греческому, еврейскому и латинскому языкам и парижский епископ Герман /VI в./ при описании литургии по галльскому обряду: литании следует петь на греческом языке, ибо по-гречески написан Новый завет за исключением евангелия Матфея; слово "аминь" следует произносить по-еврейски в честь трехязычной надписи на кресте Христовом; трем отрокам подобает петь "Господи, помилуй" на трех языках и т.д.

В итоге всего этого к концу VI -- началу VII в. идея о сакраментальности и богоизбранности греческого, еврейского и латинского языков окончательно оформилась и распространилась. К этому времени она была сформулирована Исидором Севильским /570--636/ в его "Этимологии" /кн. IX/ в следующих словах:

"Санкраментальные языки суть три:
еврейский, греческий и латинский,
наиболее блистающие по всей земле.
На этих трех языках Пилат повелел
сделать надпись на кресте господ-
нем."

Сформулированная столь видным для своего времени книжником и церковным деятелем трехязычная догма быстро утвердилась в умах людей в эпоху средневековья как на Востоке, так и на Западе. В действительности этого нас убеждает ряд латинских, греческих и славянских источников. Так, например, патриарх Фотий обвинял латинское духовенство, между прочим, и в трехязычном заблуждении: "Утверждают, что бога не следует чтить на других языках кроме сих трех: еврейского, эллинского и латинского" /"Относительно франков и остальных латинян"/. Та же мысль выражена и в одной греческой рукописи 1281 г., находящейся в Брекселе. На поместном соборе в Сплите во второй половине XI в. было установлено отправлять богослужение только на латинском и греческом". Немало также и славянских источников, свидетельствующих о существовании трехязычной догмы. Наиболее часто эти сведения приводятся в связи с жизнью и деятельностью Кирилла и Мефодия: Кирилл вступает в прения с приверженцами трехязычной догмы в Венеции, в своей предсмертной молитве он молит бога о погублении трехязычной ереси, весь трактат Черноризца Храбра "О письменах" является отражением нашей борьбы с трехязычной догмой и т.д.

Перед нами возникает вопрос: результатом чего являлась трехязычная ересь и какие цели она преследовала в веках?

Вопреки ссылке на Евангелие, трехязычная догма по сути дела не является религиозной проблемой, она не была результатом догматических прений. По моему мнению, она возникла в ре-

зультате длительного и сложного общественно-исторического, культурного и политического процесса. Я склонен считать, что появление трехязычной ереси должно быть связано с установлением церковной администрации в течение нескольких первых веков после издания Миланского эдикта /313 г./, с политическими стремлениями Рима и Константинополя к верховенству в христианском мире, с борьбой с ересями в так называемом "золотом веке" /IV--VIII вв./ христианской письменности и становлением греческого и латинского языков господствующими.

После издания Миланского эдикта, превратившего христианство из последуемой религии в официальную, начинается значительная централизация административной церковной власти. На первое место выходят города: Рим, Александрия, Антиохия, Иерусалим и Константинополь, епископы которых пользуются преимуществами, ставящими их выше других иерархов. Шестым и Седьмым правилами Первого вселенского собора 325 года определялся статус римского, иерусалимского, антиохийского и александрийского епископов. Их церковная власть распределялась так: римский епископ первенствовал в пределах западного христианского диоцеза, александрийский - в Египте, Ливии и Пентаполисе /Киренайке/, антиохийский - в Сирии, Киликии, Кесарии и Месопотамии, а иерусалимский - в Финикии, Аравии и Палестине. Константинополь начинает играть роль после его превращения в столицу Восточной Римской империи /330 г./. Его положение устанавливается в 381 году на Втором вселенском соборе, после которого он стал именоваться "Новым Римом". Третье правило этого собора гласило: "Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по римском епископе, потому что град оный есть новый Рим". А из этого следует, что ему определялось первенствующее место среди церковных иерархов Востока. Четвертый вселенский собор 451 года /Халкидонский/ давал константинопольскому епископу и некоторые канонические права /правила, например, 17,

28/. С этого времени он занял первенствующее место и по власти в восточном христианском диоцезе.

В VI веке, в царствование Юстиниана Великого /527--565 годы/, авторитет константинопольского патриарха был возведен на еще большую высоту. Теперь он стал именоваться "вселенским патриархом" /повелителем: 4,5,6,7/. Константинопольская церковь провозглашалась главой всех остальных церквей.

С течением времени этот процесс усиливается все более и более, достигнув того, что в середине IX века патриархом Фотием было категорически отвергнуто вмешательство Папы в дела константинопольского патриарха, что привело к обострению отношений и в конечном итоге к разделению церкви на Западную и Восточную в 1054 году.

Возвышению Константинополя содействовали и обстоятельства, вызванные переходом Александрии /638 г./, Иерусалима /637 г./ и Антиохии /638 г./ под власть арабов, в результате которого они были лишены возможности вести нормальное духовное и культурное существование и неоднократно оказывались в тяжелом материальном положении, принуждавшем их обращаться во всех случаях за поддержкой к Константинополю.

Тем, чем был для восточного христианского мира Константинополь, был Рим для западных областей. Римский епископ стал признаваться прямым преемником апостола Петра и с раннего времени претендовать на получение права последнего слова во всем христианском мире. Усилению его авторитета все в большей и большей мере в IV--V веках стали содействовать разногласия и прения восточных епископов по ряду догматических вопросов и их взаимные обвинения в еретичестве, в которых они часто прибегали к третейскому суду Рима. В особенности это касалось Александрии и Антиохии, наиболее часто смущаемых появлением ересей и боровшихся против посягательства на их власть со стороны Константинополя. С течением времени Рим добился положения

господствующего во всем западном христианском диоцезе, не отказываясь от своих притязаний на главенство и на Востоке.

Следует отметить, что возвышение Рима и Константинополя находилось в тесной связи с тенденциями, стремившимися к сосредоточению власти в руках иерархов значительных кафедр и столиц и к ограничению независимости более незначительных и поместных церквей.

Разумеется, что от всего этого выигрывают и соответствующие языки - греческий и латинский. Греко-римским миром создается культура, не имеющая равной во всем христианском мире. Остальные народы стали в его глазах малокультурными и "варварскими". Показательно в этом отношении послание патриарха Фотия армянскому католикосу Захарии, в котором он высказывал мысль о том, что "Значение ромейского народа в судьбах новозаветного строительства отвечает значению Израиля в Ветхом Завете... Ромей - новозаветный Израиль... И как владычество Израиля продолжалось до Христова пришествия господня." В дальнейших строках послания патриархом утверждались следующие смыслы: еще с самого начала появления христианства греческий язык был в употреблении во всех пяти патриархатах; апостолы и евангелисты /за исключением Матфея/ писали на греческом языке; учителя церкви происходили из греческих областей и писали по-гречески; бог проклял и отверг евреев и призвал греков; греки просвещали народы в продолжение веков и соблюли истинную веру и т.д. Все послание проникнуто духом обоснования великого авторитета греческой церкви и греческого языка в вопросах веры и культуры. Иными словами, греческий язык и греки - соль земли.

То, что представлял греческий язык для восточного христианского диоцеза, для западного был латинский язык. После покорения Галии, Испании и Африки Римом местное население начало оставлять свой родной язык и воспринимать латинский. Латинский язык утвердился даже в отдаленной Ирландии. В конце концов, латинский язык во всю эпоху средневековья превратился в язык

науки, богослужения, дипломатии, поэзии и владетелей в пределах всего западного мира. Соответствующая литература в Польше и Чехии в течение столетий также писалась на латинском языке.

Не меньшую роль играло в данном случае и обстоятельство давнего перевода Священного писания на греческий и латинский язык. Первый греческий перевод датируется III-м веком /Семи толковников/, а латинский - II-м веком /Итал/, вытесненный Вульгатой. Латинский перевод Библии - единственный перевод этой книги во всем средневековье на Западе. Целые века эти переводы /наряду с еврейским/ считались наиболее достоверными и стяжали высокое призвание, став основой и ряда позднейших переводов не на классические языки в западном мире.

Наконец, на этот вопрос следует посмотреть и с иной точки зрения - с точки зрения точности перевода не в художественном, а в догматическом отношении. Надо иметь в виду, что в те времена церковь была смущаема рядом еретических учений, стремившихся внедрить в письменность и в богослужебные тексты свои тенденции. А это могло легко произойти при переводе богослужебных книг на соответствующий разговорный язык. С другой стороны, не следует забывать обстоятельства утверждения тогдашней догматической терминологии прежде всего греческого и латинского происхождения. Перевод священных книг на какой-либо еще недостаточно обработанный язык был чреват опасностью появления в нем неточностей, могущих привести к извращению установленных догматов. Оставался в силе и взгляд на другие языки как на грубые и необработанные, лишенные способности выражения и передачи тонких оттенков богословской мысли. Вот почему вопрос о точности перевода богослужебных книг неоднократно находил место на страницах документов того времени. В ряде случаев давалось разрешение проповедования на соответствующем живом языке, повелевавшее, однако, произнесение текстов, выражавших сущность христианского учения и имевших догматический характер /Евангелия, Апостола, Символа веры и т.п./, лишь на греческом или латинском

языках. Так, например, в послании к Святополку 880 года папа Иоанн VIII говорит о "хорошем переводе". Видный византийский канонист Феодор Вальсамон XII века поставил перед александрийским патриархом Марком вопрос об очень "Точном переводе" как необходимом условии совершения богослужения на другом языке. В XIII веке папой Иннокентием IV было дано согласие отправления богослужения на славянском языке в Далматии при условии точного соответствия славянского перевода по смыслу и содержанию латинским богослужебным книгам.

Все это свидетельствует об использовании трехязычной догмы в целях избежания возможных извращений установленных догматов и соблюдения чистоты официальной религии, официального вероисповедания.

Признавая, однако, убедительность сказанного, все же следует заключить, что причины возникновения трехязычной догмы имели корнем не вопрос о точности перевода. Вопрос соблюдения точности перевода и стремление сохранения чистоты официального вероисповедания в данном случае выполняли второстепенную роль и были лишь прикрытием политических домогательств господствующих сил. Путем распространения богослужебных церковных книг на греческом и латинском языках Константинополь и Рим расширили свое влияние и утвердили свой авторитет. Трехязычная догма в данном случае служила лишь подходящим средством достижения намеченных целей. Вот почему она столь ревностно была защищаемая как духовной, так и светской властью. На мысль о развитии письменности и совершения богослужения не на классическом языке иногда смотрели как на проявление еретичества.

Почему же на идею совершения богослужения и развития письменности не на классическом языке стали смотреть именно так?

Ответ на этот вопрос может быть следующим: в эпоху средневековья национальные церкви посредством своего богослужебного языка часто делались пособниками ересей и расколов, создавая литературу не на классическом языке в связи с догмати-

ческими разногласиями и спорами, в направлении догматических отклонений. Так, например, в начале IV века готским епископом Ульфиллой было переведено Священное писание на готский язык и создан богослужебный ритуал на языке готов, бывших, однако, арианами. В 30-х годах V века возникло несторианство, объявленное ересью в 431 году на Третьем вселенском соборе и жестоко преследуемое, но вопреки всему нашедшее широкое распространение в Восточной Месопотамии /Эдесская школа/ и Персии. Правительство Персии использовало религиозное различие страны от Империи и в 499 году объявило персидских христиан отделенными от Восточной церкви, провозгласив несторианство официальным вероисповеданием. Сиро-халдейская церковь была также несторианской, с богослужением и богослужебными книгами на сирийском языке.

Еще более чувствительные удары официальному христианству были нанесены монофизитством, появившимся в середине V века, привлекавшее много последователей и даже ставшее официальным вероисповеданием четырех народностей: армян, коптов, абиссинцев и части сирийцев /сирояковитов/. С отторжением от православия соответствующие национальные церкви отказываются от греческого языка и вводят в качестве официального свой собственный язык как в богослужение, так и в литературу.

На востоке православной и более самостоятельной осталась в средние века лишь Грузинская церковь, причем следует отметить, что в Западной Грузии, рано попавшей под влияние Византии, не развилась собственная письменность на грузинском языке.

Именно в такой обстановке в середине IX века возникает деятельность братьев Кирилла и Мефодия, составивших славянскую азбуку и сделавших первый перевод наиболее необходимых богослужебных книг с греческого языка на древнеболгарский и таким путем заложивших основы славянской письменной культуры. В то же время создавались и условия для развития творческих сил болгарского народа, для сохранения самостоятельности и незави-

симости Болгарии и утверждения в этот период ее международного престижа. Здесь уместно привести слова византийского императора Михаила Третьего, сказанные князю Ростиславу, выразившие мысль о том, что народ, славящий бога на своем языке, следует считать принадлежащим к семье великих народов /глава XIV/. Славяне, считающиеся Византией варварами, то есть, грубыми, непросвещенными и некультурными, получили, наконец, свою письменность и возможность создавать собственную культуру. Иными словами, с появлением славянской письменности славяне поднялись на более высокую ступень культурного развития.

Вся деятельность братьев-просветителей, связанная со славянством, явилась полным отрицанием трехязычной средневековой догмы. Согласно учению Кирилла и Мефодия каждый народ обладал правом создавать письменность и совершать богослужение на своем языке. В создании культуры и совершения богослужения все народы и языки пользовались одинаковыми правами и не могли подразделяться на избранные и неизбранные.

Этой концепцией братья Кирилл и Мефодий выходили за рамки средневековых понятий и приближались к более новому времени, а представление о священности и богоизбранности греческого, еврейского и латинского языков была уже исчезающим пережитком. Именно этим Кирилл определил развитие западноевропейской демократической мысли на целые века. Национальная струя в западном христианском диоцезе начала прокладывать себе дорогу гораздо медленнее и позднее: переводы Священного писания на немецкий язык появились едва к концу XII века; французский перевод датируется первой половиной XVI века; чешский и английский - XIV веком; итальянский - XVIII веком; польский - XIII--XIV веками. При этом следует помнить, что французский перевод принадлежал протестанту, а английский - реформатору /Виклифу/. В Польше проповедование на польском языке было позволено королем Зигмундом /Сигизмундом/ Старым лишь в храме Богородицы в Кракове в 1537 году.

В восточном христианском диоцезе отправление богослужения и развитие письменности не на классическом языке утвердились и в эпоху средневековья, но это были страны, как уже мы упомянули, отколовшиеся от официального вероисповедания, то есть еретические.

В конечном итоге, создание славянской письменности представляло единственный случай создания письменности и совершения богослужения не на классическом языке в позднем средневековье, без объявления их еретическими и без их уклонения в сторону догматических отклонений и разногласий. Попытки приверженцев трехязычного учения возвести его в степень догмы остались безрезультатными. Возникновение славянской письменности не было провозглашено еретическим деянием, так как она не была следствием догматических прений; вопрос о богослужебном языке церкви и языке не был догматическим вопросом. Причины возникновения славянской письменности в середине IX века были иного характера. Они были продиктованы соображениями культурно-политического и общественно-исторического характера и явились результатом нового мировосприятия, выходившего за пределы средневековья и связанного с новым временем, с новыми понятиями. Взгляд Кирилла и Мефодия на развитие письменности и совершения богослужения не на классическом языке полностью совпадает с современным пониманием этого вопроса.

Признание славянской письменности не еретической, разумеется, в значительной степени обязано энергичной защите главным образом Кирилла. Развившиеся в дальнейшем события принудили Кирилла к защите своего дела в Моравии, Венеции и в Риме в прениях со сторонниками трехязычного учения, стремившихся придать своим толкованиям силу догмы. В защите трехязычного учения они пытались найти доводы, направленные против усилий Ростислава, борového за создание независимой славянской церкви и славянизацию церковной и культурной жизни в Моравии. В

борьбе за славянскую письменность находят отражение стремления славянства к утверждению самостоятельности его культуры и к его обособлению в самостоятельную единицу. Создается впечатление, что Кириллом в борьбе с трехязычным учением используются прежде всего цитаты из Священного писания; Ветхого и Нового Завета. Биограф Кирилла определенно говорит, что враги были побеждены "словом Священного писания" /ЖК, гл. XV/. Создатель славянской письменности прибегал к Священному писанию не случайно. Он хорошо знал, что тексты Священного писания для того времени были сильнее всех других аргументов, что в судебных прениях и разбирательствах они имели силу закона, что в ту эпоху их привлечением мог быть осужден или оправдан обвиняемый. По этой причине Кирилл в своей борьбе с врагами прибегал прежде всего к средству, имевшему в момент применения наибольшую доказательную силу, силу неопровержимого документа. С другой стороны, Кириллу была известна и сила исторических фактов. Вот почему им был использован в борьбе с врагами и опыт некоторых восточных народов: армян, персов, авазгов, иверитян, готов, авар, тирсов, хазаров, арабов, египтян, сирийцев и многих других /ЖК, гл. XVI/, прославлявших бога на своем языке. В перечисление этих имен, может быть, вкрались некоторые неточности, но в основном мысль Кирилла верна: упомянутые народы и племена пользовались свободой употребления в своей церковной жизни того или иного языка в зависимости от своего предпочтения: для них не существовали священные и не священные языки.

Этими своими действиями Кирилл предстает перед нами в ореоле не только создателя славянской письменности, но и ее первого защитника. Во всем христианском мире едва ли найдется случай преодоления соответствующим живым языком в его письменной форме таких трудностей в борьбе с отражением нападков на него, как это мы видим на примере славянского, древнеболгарского языка.

Начатая славянскими просветителями борьба с приверженниками трехязычного учения была продолжена их учениками и последователями, среди которых наиболее ревностным и деятельным был Черноризец Храбр - автор апологии "О письменьхъ". В то время как Кирилл использовал в борьбе с трехязычным учением преимущественно цитаты из Священного писания, Храбром привлекались в основном исторические доказательства. Храбр имел ясное представление о доказательной силе исторических фактов. Не его взгляд, не философские рассуждения, а факты были наиболее мощным оружием в борьбе с врагами. Тогда как Кириллом использовались цитаты из Священного писания, не вызывавшие никаких возражений, Храбром привлекались исторические факты, достоверность которых не могла быть никем отвергнута. Эти факты были почерпнуты им из истории греческого языка и истории переводов Священного писания с еврейского на греческий язык. Оказалось, что исторический материал, попавший в руки Храбра, сослужил великую службу славянской письменности. В данном случае кажется, что Храбром руководил афоризм, согласно которому "перед фактами умолкают и боги".

Сочинение Храбра - наиболее сильное обвинение против трехязычного заблуждения не только в славянских литературах, но и во всей литературе того времени. По замыслу и направленности к нему до известной степени приближается сочинение инокка Иоанна Зосимы, известного грузинского деятеля на Синайской горе, под заглавием "Возвеличение и восхваление грузинского языка" /X века/. Следует, однако, подчеркнуть, что по силе аргументов и богатству материала апология грузинского языка в значительной мере уступает сочинению Храбра. Грузинский монах не обладал способностями полемиста и защитника в такой степени, в которой обладал ими Храбр, и не имел начитанности последнего.

Итак, древнеболгарские книжники IX--X веков нанесли сокру-

шительный удар средневековому предрассудку о священности греческого, еврейского и латинского языков и содействовали утверждению демократической идеи в культурной и религиозной жизни людей. После этого удара трехязычное учение быстро стало терять свои позиции и окончательно заглохло с течением времени. Идеи Кирилла и его последователей о равноправии языков в религиозном и культурном бытии народов оказались полным отрицанием средневекового мировосприятия и универсализма греческого и латинского языков. На фоне средневековья они звучат революционно и уводят нас к более новому времени, к периоду становления национальных языков, утверждения национальной культуры и богослужения на живом языке, к объединению народов в национальности. В конечном итоге, Кирилл и его последователи опережают на целые века развитие демократической мысли не только на Западе, но и на Востоке! +

+ К сожалению, редакция располагает лишь материалом, послужившим основой устного доклада профессора К. Куева, и по этой причине примечания в статье отсутствуют. Библиографию и важнейшую литературу проблематики см. Проф. д-р Кю М. Куев: Черноризец Храбр. София, 1967.

